

Елена ФРУМИНА-СИТНИКОВА

КАК ГРИША ЕЗДИЛ В КАНАДУ

Гриша появился в нашем доме внезапно, как рок. Было это в 1999 году. Поздним зимним вечером в нашей квартире раздался звонок. Незнакомый мужской голос сказал, что он только что прилетел из Москвы, сейчас находится в аэропорту и просит его оттуда забрать. И передал привет от моей подруги Маши. Маша — это моя самая старая на свете подруга, мы дружим со второго класса. Поэтому Маша — это святое. Ради неё я готова на многое, даже на то, чтобы любимый муж вышел зимой ночью из дома и погнал в аэропорт за 40 километров встречать незнакомого Гришу.

Через какое-то время Гриша материализовался. Ростом он был мал, носом велик, головой лыс, глаза горят, и в них читается решимость покорить Канаду в самые сжатые сроки. В целом — симпатичный круглый человек. Похож на голливудского актёра Дэన్ని ДеВито, только не такой смешной.

Пока я кормила его ужином, он рассказал, что уехал из Москвы навсегда. В Москве на чемоданах сидит его семья — жена и два сына. Он их вызовет, как только устроится. Рассчитывает уложиться в пару месяцев. Почему уехал? Да надоело всё. Поругался в очереди. Обозвали жидом. Потом на дороге подрезали и обругали нецензурно. Ну и ещё что-то в этом роде. Решил, пусть дети растут в цивилизованной стране.

По профессии Гриша был автомобильным инженером, как и мой муж. Профессия не самая популярная в Канаде, не имеющей своего автопрома. Но его энергия и уверенность в светлом будущем передались и нам, и мы стали отчаянно помогать ему, отвлекаясь от собственных проблем, которых к тому моменту накопилось немало.

Выглядело это так. С утра кто-то из нас шёл к ближайшему автомату, где продавались газеты и притаскивал домой солидную кипу платных и бесплатных периодических изданий. Гриша садился на диван, обкладывался газетами, раскрытыми на странице объявлений, и внимательнейшим образом, с карандашом в руке их изучал. А мы убегали на работу.

Когда мы возвращались, вся газетная кипа была изучена, телефоны подчеркнуты, а Гриша составлял текст предполагаемых телефонных разговоров. Это было непросто. Надо было учесть все варианты развития беседы. Эти сценарии он записывал на бумажке и учил их наизусть. При этом его словарный запас был огромен. Он многократно превосходил словарный запас среднего уроженца страны. Кажется, не было слова, которое Гриша не знал. Но произнести он практически ничего не мог. Потому что был перфекционистом и боялся сделать ошибку.

В конце концов он перестал составлять сценарии разговоров, а просто стал давать мне свои газеты с отчеркнутыми телефонами. И я поняла, что это надо как-то прекращать. Тем более, что от амбициозных планов устроиться инженером Гриша стал постепенно отходить, ввиду их полной фантастичности, и начинал потихоньку присматриваться к работе помощника механика в гараже на окраине Торонто. Эта работа Грише не нравилась, она грязная и низко оплачиваемая, не за этим он ехал в Канаду, но и на неё его не брали из-за отсутствия опыта. Перья у Гриши стали понемногу опускаться.

Все это время, а продолжалось это больше месяца, он жил у нас в гостиной на диване. Единственная комната, где семья собиралась, чтобы поесть-попить-поболтать, превратилась в спальню. При этом он никак не мог переключиться на канадское время, поэтому засыпал часов в восемь вечера, и мы ходили мимо него на цыпочках практически в полной темноте, а все разговоры вели шепотом, под здоровый храп нестарого мужчины. В общем, нервы у нас у всех начали сдавать. Глаз у меня стал

подергиваться, а руки подрагивать. Дочка, лишённая родительского внимания, начала биваться от рук, а я спрашивала себя, настолько ли я люблю подругу своего детства Машу, чтобы существовать в столь трудных условиях.

О том, чтобы снять отдельное жильё, Гриша не хотел даже думать. Он не хотел тратить деньги, пока не начал зарабатывать. А ближайший заработок, как мираж, манил, но в реальность не воплощался.

Отношения наши начали напрягаться. Но, как только я заводила разговор о том, что пора ему начать самостоятельную жизнь, он хватал меня за руку и смотрел в глаза своими чудными глазами. И говорил: «Вы же не бросите меня, правда?» Много раз я отвечала ему: «Правда, Гриша, не бросим». Но однажды, коварно воспользовавшись протянутой мне рукой, я эту руку схватила и поволокла её владельца в ближайший русский магазин, коих в Торонто немало. Один из них был прямо напротив нас, только улицу перейти.

Встав посреди магазина и крепко держа за руку приволоченного Гришу, я громко и отчаянно крикнула: «Не сдаёт ли кто-нибудь комнату?» И тут же несколько человек откликнулись. Да, мол, сдаём. Так мы нашли Грише жильё. После этого я подошла к продавщице и спросила, нет ли у них работы. Любой. И работа нашлась. Грузчика-уборщика. Так я решила Гришины и свои проблемы буквально в полчаса. Видимо, Господь увидел, что на этот раз с нас достаточно, а то может сорвать резьбу.

Дальше было просто. Мы перевезли Гришу в арендованный подвал (многие новоприбывшие живут в подвалах частных домов, которые здесь называются бейсменами, в том числе и наша семья свои два месяца провела, глядя из оконца на уровне земли на проходящие мимо ноги). Нашли для него на улице матрас и что-то из мебели, выдали ему на первое время какую-то посуду и кухонную утварь и сочли, что наша миссия в адаптации Гриши закончена.

Не тут-то было. Каждый вечер Гриша приходил к нам в гости и рассказывал в подробностях о своих злоключениях. Как он получал какие-то документы, как ездил на автобусе и заехал не туда, как он ищет работу, но никто не хочет его брать, и как жена кричит на него по телефону и требует, чтобы он быстрее устроился на работу с хорошей зарплатой, и называет неудачником.

Притом что наши собственные дела шли не так чтобы хорошо, в присутствии Гриши мы о них начисто забывали и отчаянно пытались придумать, как ему помочь.

Одной из огромных задач был переход из категории пешеходов в категорию автомобилистов.

Канада — страна автомобильная. Практически невозможно существовать здесь, не имея машины. Пешеходов здесь не любят и не уважают. Транспорта мало, и ходит он плохо. На многих улицах нет даже пешеходных тротуаров, так что случайный безлошадный персонаж вынужден топтать по проезжей дороге, уворачиваясь от проносящихся автомобилей.

В общем, Грише нужно было покупать машину. Но до этого он должен был сдать на права. Излишне говорить, что на все экзамены доставляли его мы. И мы же потом привозили его домой, утешая, что с первого раза никто не сдаёт и жизнь на этом не кончается. Сдал он с третьего раза. И это вовсе не плохой результат. Я знаю людей, работавших на родине профессиональными водителями, которые сдавали экзамен вождения в Канаде более десяти раз. Так что наш Гриша оказался просто молодцом.

После этого мы осуществляли операцию по покупке машины. Он ночами сидел в интернете, выбирая дешёвый, но достойный автомобиль. Потом приходил к нам с результатами, и мы долгими вечерами обсуждали достоинства и недостатки той или иной машины.

Была у Гриши одна особенность. Он очень любил просить советов, но практически никогда их не выполнял. А потом, получив результат противоположный ожидаемому, любил прийти и горько и долго жаловаться. Примерно так же получилось и с выбранной коллективно машиной. К нашему дому Гриша подъехал совсем не на том, что было выбрано, ну да Бог с ним. Главное, что теперь он мог сам передвигаться.

К этому моменту прошло уже полгода с момента его триумфального въезда в Канаду. Пора было отпускать его в свободное плавание и самим перевести дух. Тем более, что какую-то карьеру он уже сделал. От должности уборщика-грузчика в русском магазине он продвинулся на позицию помощника слесаря в русском гараже. Был в состоянии оплачивать свою комнату в подвале и совершать покупки самого необходимого. Он похудел и осунулся. Одевался в старые вытянутые треники и майки, купленные в магазине для бедных, куда люди сдают не нужные им вещи.

Но, тем не менее, можно было сказать, что он, хоть и не твердо, хоть и шатаясь, но стоял на ногах. Ну, не стоял, конечно, но уже не лежал, а, скажем сидел на корточках.

Он уже начал поговаривать, что пора вызывать семью, все ещё сидящую на чемоданах в Москве. Мы успокоились и на пару недель о нем забыли.

Пока он не появился снова. Совершенно убитый он прошёл в комнату и рухнул на любимый диван. Я увидела на его глазах слезы. Оказалось, что его уволили из гаража, потому что он пытался посоветовать начальству, как лучше и эффективнее ремонтировать машины. Он же инженер из Москвы, а начальство имело в лучшем случае десять классов средней школы в Житомире. В общем, не сошлись характерами.

Тем временем, за несколько дней до трагического увольнения, мне позвонила Гришина жена из Москвы и сказала, что Гриша стал очень странный. На вопросы не отвечает, отмашку на переезд не даёт. Спросила, что тут вообще происходит. Я ей рассказала, как идут дела и какими я вижу Гришины ближайшие перспективы. То есть дела идут неважно, а перспективы я не вижу вовсе.

И через неделю на нашем пороге возникла усталая немолодая женщина с двумя сыновьями-подростками и тремя чемоданами. Гришина семья приехала прямо к нам, потому что Гриша не сообщил им свой адрес.

В два приёма мы передислоцировали их в Гришин подвал и оставили в момент семейных радостных объятий. Не смогу забыть взгляда жены, брошенного на слегка ржавого железного коня, стоящего возле дома. И конечно, расширившиеся глаза, когда мы спускались по лестнице в уютный подвальчик.

Что там было, мы никогда не узнаем. Но на следующий день Гриша позвонил и сказал, что они уезжают в Москву. Завершает здесь свои дела и берет билеты на ближайшее время.

Завершение дел потребовало пару месяцев. Надо было продать машину и дожить свой срок в подвале, чтобы не потерять внесённые заранее деньги. А пока показать семье город Торонто и окрестности, включая Ниагарский водопад. Потому что вряд ли ещё когда-нибудь придётся сюда приехать.

В общем, впереди замаячило два месяца приятной жизни не эмигранта, а туриста. Жизнь вроде стала налаживаться. Через пару недель позвонил Гриша и сказал, что его подростки познакомилась с другими русскими подростками и приняли участие в вечеринке с марихуаной, где укурились до тошноты и беспамятства. И не хотят уезжать в Москву, потому что им тут понравилось. И с продажей машины тоже не все гладко. После долгих торгов удалось получить за неё половину цены. Ну и ладно, пора было завершать канадскую эпопею. Пусть с потерями, но выскочить живым.

Совершенно понятно, в аэропорт их отвозили тоже мы. Пришлось нанять такси, потому что в одну машину все не влезали. Мать семейства с детьми ехали в такси, а мы везли Гришу. По дороге он стонал, что он слабак и убийца своих детей, потому что теперь их заберут в армию. Он бился головой о дверь машины и размазывал по лицу вовсе не скупые слёзы. Ещё он говорил, что если бы мы ему так не помогали, он бы давно выбился в люди. Или умер бы. И, может быть, это был бы лучший выход.

Проводили мы их до таможни. Расцеловались на прощанье. Посмотрели, как идут они на досмотр, как жена поддерживает под руку Гришу, как подростки все оглядываются и машут нам печально.

Когда они скрылись из виду, мы вздохнули и пошли обессиленные. Вся эта история отняла очень много сил и энергии. И оставила в наших сердцах глубокую зарубку своей чудовищной бессмысленностью.

Через пару лет, приехав в Москву и навещая мою самую старую на свете подругу Машу, во дворе её дома мы встретили Гришу. Как раз когда мы шли к её подъезду, к дому подъехала дорогая машина и из неё вышел гладкий ухоженный Гриша и поразительно помолодевшая его жена. Увидев нас, он смутился. Мы напомнили ему тяжёлый период его жизни. Но сделать вид, что мы незнакомы, было уже невозможно. Мы улыбались и обнимались и слушали его рассказ. После возвращения из Канады он опять устроился на свою работу на совместное российско-немецкое автомобильное предприятие. Ему даже прибавили зарплату. Жена работает в банке менеджером. Старший сын закончил школу и учится в университете. Младший заканчивает и мечтает стать инженером, как отец.

Про Канаду они стараются не вспоминать.